

ЛОРА ЭВЕРЛИ

Мне оставили
ВИЛЛУ
на Лазурном Берегу

Лора Эверли

**Мне оставили виллу
на Лазурном Берегу**

«Автор»

2026

Эверли Л.

Мне оставили виллу на Лазурном Берегу / Л. Эверли — «Автор»,
2026

После развода Вера была уверена, что самые большие неожиданности в её жизни уже позади. Пока однажды не получила письмо из Франции. Женщина, с которой она случайно познакомилась во Флоренции, оставила ей в наследство роскошную виллу на Лазурном Берегу. Теперь у Веры есть дом с видом на Средиземное море, сад, о котором она не смела мечтать, и шанс начать жизнь заново. Но у этого сказочного подарка есть одна проблема — Адриан, богатый и невероятно привлекательный внук покойной хозяйки. Он уверен, что семейная вилла должна принадлежать ему, и намерен её выкупить. Вера не собирается отказываться от своего неожиданного счастья. А Адриан привык получать то, чего хочет. Только ни один из них пока не подозревает, что самое ценное наследство нельзя купить ни за какие деньги.

© Эверли Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо из Франции	5
Глава 2. Мирабель	9
Глава 3. Цена дома	13
Глава 4. Приглашения уже разосланы	17
Глава 5. Уроки роскошной жизни	21
Глава 6. Женщина в белом	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мне оставили виллу на Лазурном Берегу

Глава 1. Письмо из Франции

Вера узнала о смерти Элеоноры Делакура в тот день, когда бывший муж в третий раз перенёс обещанный приезд за своими вещами. На кухне стояли две картонные коробки с книгами, в прихожей — сумка с инструментами, и всё это казалось продолжением брака, который давно закончился на бумаге, но упорно не желал освобождать пространство. За окном дождь размывал очертания соседних домов. Вера открыла ноутбук, чтобы закончить рекламный каталог, увидела незнакомое французское имя в почте и сначала решила, что письмо ошибочное. Потом прочла тему: «Наследственное дело мадам Элеоноры Делакура». Рука, державшая чашку, дрогнула.

В девять утра у Веры уже состоялось совещание с заказчиком, который третий день просил сделать синий цвет логотипа «чуть более уверенным». Она терпеливо показала три варианта, выслушала рассуждения о характере оттенков и обещала прислать окончательный макет до вечера. Ещё недавно подобные разговоры забавляли её. Теперь, когда ипотека осталась за ней, а доходы приходили неровно, она перестала относиться к заказчикам снисходительно. За каждым бессмысленным исправлением стояли вполне осмысленные деньги. Когда Игорь позвонил и снова попросил подождать с коробками, Вера смотрела на экран с недоделанной обложкой и думала не о разводе, а о том, что ей придётся работать в субботу. Он между тем рассказывал о новой квартире, где пока не было места для его вещей. Вера не спросила, с кем он теперь живёт. В последнее время она вообще научилась не задавать вопросов, ответы на которые ничего не меняли.

Они познакомились три года назад во Флоренции. Элеоноре стало плохо возле кафе, и Вера осталась с ней до приезда врачей, а потом привезла в больницу вещи из гостиницы. Вера не считала это особенным поступком. Ей было трудно представить, как можно оставить пожилую женщину одну, когда та плохо понимает итальянскую речь и с трудом находит телефон в сумке. Через два дня Элеонора пригласила её на обед, расспрашивала о России и рассмеялась, услышав, что Вера приехала в Италию впервые за десять лет. «В следующий раз приезжайте ко мне. Там море, и я умею принимать гостей», — сказала она. После поездки они переписывались. Элеонора рассказывала о саде, книгах, своём упрямом внуке; Вера — о работе и разводе, о котором не могла говорить даже с подругами без чувства неловкости. Последнее письмо пришло летом. Вера ответила и больше ничего не получила.

Во время того обеда во Флоренции Элеонора категорически отказалась позволить Вере заплатить за счёт. Они сидели под полосатым навесом маленькой трагтории, и пожилая француженка рассказывала о своих путешествиях с таким удовольствием, будто собиралась завтра отправиться в новое. Вера призналась, что за границей бывает редко и долго копит даже на короткую поездку. Элеонора не стала утешать её привычными словами о том, что деньги не главное. Она лишь заметила, что деньги очень удобны, когда позволяют выбирать, где просыпаться по утрам, а потому притворяться, будто они ничего не значат, было бы глупо. Вера запомнила эту фразу. В переписке они почти никогда не обсуждали богатство. Гораздо чаще спорили о книгах и о том, стоит ли прощать людей, которые однажды тебя подвели. Когда Вера написала о разводе, Элеонора не стала расспрашивать о подробностях и не посоветовала сохранить семью. Она прислала фотографию распустившейся белой розы и написала: «Новые цветы появляются на старых кустах. С людьми иногда происходит то же самое». Вера рассмеялась так неожиданно для самой себя, что тут же написала Элеоноре об этом.

Она прочитала сообщение нотариуса дважды. Французские фразы переводчик превращал в сухие, не всегда понятные предложения, но главное было ясно: Элеонора умерла, а Веру

просили связаться с конторой относительно завещания. Вера закрыла лицо ладонями. Смерть казалась невозможной не потому, что Элеонора была молода, а потому, что в её письмах всегда было столько жизни: новые розы, шумные соседи, спор с садовником, смешная история про внука, который купил дорожную кофемашину и не умеет ею пользоваться. Только спустя несколько минут Вера заметила слово «наследница» и подумала о маленькой вещи на память — возможно, о книге с дарственной надписью. Она написала нотариусу, и тот предложил видеовстречу в тот же день.

Она открыла историю переписки и прокрутила её до последних сообщений. В июле Элеонора писала о ветре, который сломал ветку старой магнолии, и о том, как садовник отказывался признать, что дереву давно требуется помощь. В августе Вера отправила фотографию своего рабочего стола и пожаловалась на жару. Сообщение осталось без ответа. Тогда она решила, что подруга уехала отдыхать или устала от электронной почты. Теперь простые строки приобрели другое значение: человек мог исчезнуть из твоей жизни, пока ты разбираешь счета, покупаешь хлеб и убеждаешь себя, что напишешь завтра. Вера нашла в телефоне фотографию, сделанную на прощание во Флоренции. Элеонора стояла у гостиницы с лёгким шарфом на плечах, Вера обнимала её за талию, и обе шутили от солнца. Ей захотелось позвонить кому-нибудь, кто знал Элеонору и мог рассказать, как прошли её последние дни. Но единственный известный ей родственник, внук Адриан, существовал пока только в письмах.

К полудню Вера переоделась в светлую блузку и убрала со стола чеки и кружку. Лоран Моро оказался сдержанным мужчиной с мягкой манерой говорить. Он выразил соболезнования, уточнил, как Вера познакомилась с Элеонорой, и сообщил, что покойная упоминала её с большой теплотой. Затем произнёс фразу, которую Вера попросила повторить: по завещанию ей предназначалась вилла «Мирабель» в Сен-Жан-Кап-Ферра. Не право жить в доме, не денежная сумма, а сама недвижимость — разумеется, после выполнения предусмотренных законом процедур. У Элеоноры были родственники, и нотариус не скрывал, что оформление потребует проверки наследственных прав, налоговых расчётов и множества документов. Но он говорил о вилле так, словно Вера уже должна была понимать, что это за место.

— Простите, месье Моро, — сказала она, когда он закончил объяснять. — Вы, наверное, не представляете, как странно всё это звучит. Я не знала, что Элеонора настолько богата. И уж точно никогда не просила у неё ничего подобного.

— Это я как раз представляю, мадам Соколова. Она заранее предупредила меня о вашем удивлении. И предусмотрела отдельные средства для расходов, связанных с наследованием и содержанием дома на первое время. Точные суммы мы обсудим после расчётов. Моя задача сейчас — объяснить вам положение дел, а не торопить с решением.

Вера осторожно спросила о стоимости виллы. Услышав «около четырёх миллионов евро», она решила, что неверно поняла числительное. Нотариус повторил сумму, назвал её предварительной оценкой и предложил прислать фотографии. Вера кивнула, хотя уже почти перестала воспринимать его слова. Перед глазами возникли её квартира с потемневшей кухонной столешницей, список платежей на холодильнике и старый чемодан, у которого заедала молния. Она знала цену каждому из этих предметов. Четыре миллиона евро не помещались рядом с ними даже мысленно.

После первых объяснений Вера взяла ручку и начала записывать вопросы, чтобы не потерять окончательно. Она спросила, не означает ли наследство необходимость немедленно переехать, можно ли сначала приехать всего на несколько дней, кто оплачивает работу садовника и как вообще выглядит дом, содержание которого может стоить больше её годового дохода. Нотариус отвечал без раздражения, иногда просил подождать и сверялся с бумагами. Он пояснил, что осмотр дома не равен вступлению в наследство: сначала предстоит проверить завещание и права родственников, оценить имущество, рассчитать обязательные платежи и только затем подписывать документы. Отдельно он попросил не смешивать владение фран-

цузской недвижимостью с правом жить во Франции: эти вопросы решаются по разным правилам, и срок разрешённого пребывания Вере придётся соблюдать независимо от судьбы виллы. Сухая последовательность юридических действий даже успокоила её. В мире, где только что появился дом за четыре миллиона, всё ещё существовали документы, сроки и люди, которые могли объяснить следующий шаг. Перед прощанием Моро попросил её никому не переводить деньги по письмам от неизвестных посредников и все расходы согласовывать с конторой. Эта простая предосторожность сделала происходящее чуть более реальным.

В тёмном экране ноутбука отразилось её лицо: прямые тёмно-русые волосы, собранные наспех, усталые карие глаза, тонкая складка между бровями. Вера машинально распустила резинку, провела пальцами по прядям до плеч и усмехнулась. В тридцать семь она не считала себя некрасивой, но за последние месяцы привыкла смотреть в зеркало исключительно по делу: проверить, не размазалась ли тушь, не торчит ли воротник. Сейчас ей захотелось не исправить что-нибудь в своей внешности, а просто выспаться, надеть любимое платье и выйти из дома без списка обязательств в голове.

После звонка Вера долго не вставала. Телефон высветил имя Игоря, и она почти машинально потянулась ответить. За двенадцать лет она привыкла рассказывать ему обо всём необычном, хотя в последнее время его реакции чаще портили радость, чем разделяли её. Она отклонила вызов. На почту пришла папка от нотариуса, и Вера открыла первое изображение: белый дом среди кипарисов, широкая терраса, ступени, уходящие в сад, и море такого насыщенного синего цвета, что фотография казалась неправдоподобной. На втором снимке был бассейн с каменным бортиком, на третьем — гостиная с высокими окнами и книжными шкафами. Вера увеличила изображение террасы. В тени полосатого зонта стояло плетёное кресло, а рядом — столик с чашкой. Элеонора когда-то присылала фотографию из этого же места. Только тогда Вера смотрела на море, не представляя размеров дома за спиной фотографа.

Сначала Вера хотела поделиться новостью с Катей, но, представив её восторженный крик и сотню вопросов, решила подождать. Сама она пока не могла ответить даже на главный: что делать с таким наследством? Она открыла карту побережья, увеличила мыс, увидела изгиб дороги и маленькие пляжи, о которых прежде не слышала. Потом нашла стоимость обеда в местном ресторане и невольно присвистнула. Телефон снова завибрировал: Игорь спрашивал, можно ли забрать вещи в воскресенье вместо субботы. Вера написала, что оставит коробки у консьержа. Отправив сообщение, она вернулась к карте. Ей хотелось хотя бы несколько минут подумать о Франции, не объясняя никому, почему это важно.

Вечером Вера достала из шкафа маленькую жестяную коробку, куда складывала билеты, открытки и вещи, которые почему-то было жалко выбросить. Среди театральных программ и старых чеков лежала открытка с изображением флорентийского собора. На обороте Элеонора своим крупным, немного наклонным почерком написала: «Никогда не позволяйте чужой привычке к вам становиться вашим представлением о себе». Тогда Вера не поняла, почему незнакомая почти женщина выбрала именно эти слова. Теперь, после развода, фраза показалась ей удивительно точной. Она долго рассматривала открытку, вспоминая, как Элеонора без всякой торжественности могла спросить за обедом, счастлива ли Вера, а затем спокойно выдержать молчание, не спеша утешать и давать советы. Игорь никогда не задавал таких вопросов: ему было достаточно знать, что ужин готов, счета оплачены и никаких неудобств не предвидится. Вера положила открытку рядом с паспортом. Ей предстояло выяснить столько практических вещей, что думать о собственных чувствах казалось роскошью, но именно в этот вечер она впервые позволила себе не отвечать на очередное сообщение бывшего мужа.

На следующий день она созвонилась с нотариальной конторой ещё раз, уже с блокнотом и списком вопросов. Вера хотела знать, какие документы нужно перевести, кто оплачивает охрану дома, можно ли ей осмотреть комнаты до завершения оформления и не окажется ли неожиданное богатство долгом, который она не сумеет выплатить. Помощница Моро терпе-

ливо разъяснила порядок предварительных действий и предупредила, что окончательные расчёты займут время. Вера записывала всё подряд, даже очевидное, потому что боялась забыть что-нибудь существенное. Потом открыла сайты авиакомпаний, сравнила цены и на несколько минут зависла над кнопкой бронирования. Покупка билета представлялась границей: пока она только читала письма, происходящее ещё можно было принять за ошибку; как только заплатит за дорогу, придётся признать, что она действительно летит во Францию смотреть на дом, который никогда не могла бы себе позволить. Она закрыла глаза, вспомнила смеющуюся Элеонору на террасе и нажала кнопку.

Последним файлом оказался портрет хозяйки: Элеонора в голубом платье сидела среди роз и улыбалась человеку за камерой. Вера приблизила снимок, разглядела знакомые морщинки у глаз и вспомнила, как та смеялась во флорентийском кафе. Она уже думала о билетах во Францию и от этого чувствовала неловкость: новость о наследстве заслоняла известие о смерти. Она закрыла фотографию и открыла календарь, чтобы прикинуть сроки поездки. В этот момент пришло ещё одно письмо нотариуса. В коротком сообщении говорилось, что о её приезде следует предупредить управляющую виллой и месье Адриана Делакруа, внука покойной. Последняя строка была неожиданной: «Месье Делакруа просил сообщить ему дату вашего прибытия лично».

Глава 2. Мирабель

В Ниццу Вера прилетела почти через месяц. За это время она успела получить необходимые документы для поездки, провести несколько долгих разговоров с нотариусом и понять, что наследство не превращает человека в хозяйку виллы за одно утро. Предстояли формальности, расчёты и решения, в которых она пока не разбиралась. Но Моро организовал ознакомительный визит, а управляющая «Мирабель» обещала встретить её и показать дом. Когда самолёт начал снижаться над морем, Вера прильнула к иллюминатору. Береговая линия изгибалась под крылом, белые здания теснились между холмами и водой, а внизу блестели яхты, похожие на игрушечные. Она подумала, что ещё недавно выбирала, на какой месяц перенести покупку нового пальто, и едва не рассмеялась от нелепости происходящего.

В самолёте она почти не спала. Вера взяла с собой один большой чемодан и дорожную сумку, долго сомневаясь, уместно ли ехать осматривать многомиллионную виллу в обычном бежевом пальто, которое носила уже четвёртую осень. В конце концов решила, что переодеться ради чужого дома было бы глупо, даже если дом скоро станет её собственным. За месяц она успела рассказать обо всём Кате, выслушать её недоверчивые вопросы, показать фотографии и получить совет ничего не подписывать без независимого юриста. Катя, обычно легкомысленная, на этот раз оказалась удивительно практичной. Они вместе составили список документов и телефонов, а вечером перед вылетом подруга принесла маленький блокнот в кожаной обложке: «Записывай всё. Ты ведь потом сама не поверишь, что это происходило». Вера положила его в ручную кладь. По дороге в аэропорт ей позвонил Игорь. Он наконец забрал коробки и хотел уточнить, почему её нет дома. Вера ответила, что уезжает на несколько дней. Куда именно, он не спросил.

В аэропорту её ждал водитель с табличкой «Madame Sokolova». Машина выехала на дорогу вдоль побережья, и Вера старалась смотреть сразу во все окна. За пальмами мелькали светлые фасады, балконы с коваными перилами, кафе, где люди сидели под навесами в лёгкой одежде. Октябрь здесь совсем не походил на тот, который она оставила дома. Водитель, заметив её интерес, рассказал о соседних городках и показал рукой в сторону мыса. Вера знала название Сен-Жан-Кап-Ферра по документам, но до сих пор не представляла, как может выглядеть место, где дома скрыты за высокими оградами, а за каждой поворотной дорожкой неожиданно открывается море.

По мере приближения к мысу дорога становилась уже, а дома за оградами — всё менее похожими на обычные. За высокими живыми изгородями угадывались фасады с колоннами, над воротами склонялись бугенвиллеи, на подъездных дорожках стояли дорогие машины. Вера следила за поворотами и названиями улиц, стараясь запомнить путь к дому, который ещё недавно существовал для неё только на фотографиях. Водитель, представившийся Жюльеном, объяснил, что многие владельцы приезжают сюда лишь на сезон, но «Мирабель» всегда оставалась жилым домом. Мадам Делакура не любила, когда окна месяцами стояли закрытыми: приглашала друзей даже зимой, велела зажигать камин и ставить цветы в гостиной. Вера с облегчением слушала его. Она боялась оказаться в музее, где ничего нельзя трогать; в доме, где привыкли жить, ей было бы легче освоиться.

Ворота «Мирабель» были из тёмного металла, с простым растительным узором. Машина медленно поднялась по дорожке между кипарисами и остановилась перед светлым фасадом. Дом оказался красивее фотографий, но не из-за размеров или стоимости. У него было удивительно спокойное выражение: высокие окна с бледно-зелёными ставнями, балкон над входом, старые каменные вазоны и розы, которые продолжали цвести, несмотря на конец осени. Вера вышла из машины, вдохнула воздух с запахом хвои и влажной земли и услышала, как за домом тихо шумит море. Ей захотелось постоять здесь одной, но входная дверь уже открылась.

Мадлен Бернар, управляющая виллой, оказалась невысокой женщиной лет шестидесяти с серебристыми волосами и внимательными глазами. Она поздоровалась по-английски, взяла Веру за обе руки и сказала, что мадам Элеонора была бы счастлива увидеть её здесь. От этих слов у Веры защипало глаза, и Мадлен тактично предложила сначала выпить чаю. Они прошли через прохладный холл с мраморным полом в гостиную, где огромные окна выходили на сад. Вера узнала диван с фотографии, старинные часы на каминной полке и большой стол, на котором лежали журналы. Ничто не напоминало выставленный на продажу особняк. Здесь жили, читали, забывали очки возле кресла, оставляли раскрытую книгу на подоконнике. От этого мысль о смерти Элеоноры стала особенно острой.

Чай подали не в парадной столовой, а в небольшой комнате рядом с библиотекой. Здесь стояли низкие диваны, круглый столик с потёртой деревянной столешницей и лампа под кремовым абажуром. На подоконнике лежали садовые ножницы, забытые кем-то рядом с вазой роз. Вера сразу заметила эту небрежную деталь и почему-то расслабилась. Мадлен налила чай в тонкие чашки, предложила лимонный кекс и без расспросов дала госте несколько минут прийти в себя. Потом показала фотографию Элеоноры в молодости, где та смеялась, придерживая широкополую шляпу. «Она была очень упрямой», — сказала Мадлен с теплотой, которую не сумела скрыть даже её сдержанная манера. Оказалось, управляющая работала здесь больше двадцати лет, знала привычки хозяйки и помнила, какой чай та любила пить после обеда. Вера спросила, не будет ли её приезд болезненным для сотрудников. Мадлен ответила, что люди привыкли к переменам владельцев, но не привыкли к тому, что о них спрашивают прежде, чем дают распоряжения. Эта фраза заставила Веру осторожнее относиться к каждому следующему вопросу.

Вера задержалась в гостиной дольше, чем в остальных комнатах. Светлые стены здесь не были пустыми: их пересекали узкие лепные карнизы, а между высокими окнами висели небольшие акварели в потемневших золочёных рамах. Низкие диваны стояли не вокруг телевизора, а друг напротив друга, словно Элеонора рассчитывала прежде всего на разговоры. На подлокотнике одного кресла сохранилась чуть вытертая ткань; рядом, на приставном столике из орехового дерева, лежала лупа в серебряной оправе. В этой комнате роскошь не выглядела выставленной напоказ. Ею пользовались годами, оставляли на мебели книги, открывали окна в непогоду, спорили за чаем. Оттого Вере стало здесь спокойнее, чем в безупречном мраморном холле.

Мадлен показала ей дом без спешки. В библиотеке пахло деревом и кожаными переплётками; в столовой длинный стол отражался в старом зеркале; на втором этаже располагались спальни, каждая со своим видом на сад или море. Комната, приготовленная для Веры, выходила на просторный балкон. На кровати лежало лёгкое покрывало цвета слоновой кости, возле окна стояло кресло, а в ванной были свежие полотенца и стеклянные флаконы с лавандовым запахом. Вера всё время спрашивала, можно ли трогать вещи, открывать шкафы и пользоваться посудой. Мадлен отвечала терпеливо, пока наконец не улыбнулась: «Вы здесь гостя только сегодня. Потом вам придётся привыкать, что спрашивать разрешения не у кого». Вера хотела возразить, что документы ещё не оформлены окончательно, но поняла, что Мадлен говорит не о бумагах.

На втором этаже Мадлен открыла дверь в комнату Элеоноры, но не предложила войти. Вера сама остановилась на пороге. Здесь было удивительно светло: стены цвета тёплого песка, высокий туалетный столик с овальным зеркалом, низкий диван у французского окна. На спинке кресла лежал шёлковый платок, а на тумбочке стояла рамка с фотографией молодого мужчины. Вера узнала черты лица, которые видела на старых семейных снимках в письмах: должно быть, тот самый Адриан. Она попросила пока ничего не менять в комнате. Мадлен кивнула с явным одобрением. Чуть позже они спустились в кухню, где повар готовил обед. Просторное помещение с медными кастрюлями, свежими травами и открытой дверью во внут-

ренный двор показалось Вере почти роднее парадных залов. Повар представился Люсьеном, с улыбкой спросил, любит ли она рыбу, и пообещал приготовить что-нибудь простое. Вера вдруг поняла, что не ела с раннего утра и ужасно проголодалась.

За обедом ей подали запечённого сига с лимоном и овощами, ещё тёплый хлеб и салат из помидоров, пахнувших настоящим летом. Вера ела медленно, глядя на полоску моря между колоннами террасы. Мадлен рассказывала о саде: о старых оливах, которые нельзя обрезать слишком сильно, о розах, требующих ежедневного ухода, о маленьком участке с пряными травами, куда Элеонора любила ходить сама. После обеда Вера попросила показать ей не только красивые места, но и хозяйственную сторону виллы. Они заглянули в прачечную, комнату с оборудованием для бассейна, помещение, где хранились садовые инструменты. Цифра в четыре миллиона постепенно обрастала трубами, фильтрами, зарплатами и расписанием работ. Это не пугало меньше, зато делало задачу понятнее. У старого фонтана Вера остановилась, чтобы записать в блокнот вопросы для нотариуса. Ветер перевернул страницу, и Мадлен держала её ладонью. «Мадам Элеонора тоже всё записывала», — заметила она. Вера улыбнулась. После долгих сомнений решение наконец перестало казаться чужим.

Затем они прошли дальше по саду. Каменная лестница вела от верхней террасы к бассейну, дальше начинались дорожки среди олив и розмарина. В одном углу стоял старый фонтан с потемневшей чашей, в другом — беседка, увитая жасмином. Вера остановилась у балюстрады. Под ней лежала бухта, на воде белели паруса, а вдаль берег поднимался к домам, похожим на разноцветные кубики. Она никогда не видела такой красоты и вдруг почувствовала острое, почти детское желание остаться. Не на неделю, не до окончания оформления, а надолго — чтобы утром открывать эти окна, покупать цветы для столовой, знать по именам людей в соседней пекарне. Желание было настолько сильным, что она испугалась его.

— У дома большие расходы? — спросила Вера, когда они вернулись на террасу. — Я понимаю, вопрос не очень романтичный. Но мне необходимо знать, сколько всё это стоит в обычной жизни.

Мадлен одобрительно кивнула и положила перед Верой папку с расходами. Та открыла первую страницу и машинально потянулась за телефоном.

— Здесь зарплаты постоянных сотрудников, обслуживание бассейна и сада, коммунальные платежи, страховка, — пояснила Мадлен. — А старому дому ещё требуются ремонты, которые нельзя заранее расписать по месяцам. Мадам Элеонора предусмотрела резерв, но доступ к этим средствам и порядок платежей нужно обсудить с нотариусом.

— Получается, даже при предусмотренном Элеонорой резерве мне нужно заранее понимать, какие расходы обязательны, а какие можно отложить?

— Именно так. Я отвечаю за дом и постоянных сотрудников, а все платежи и порядок доступа к резерву следует согласовать с нотариусом. Мадам Элеонора была очень практичной женщиной, особенно когда делала то, что другие считали безумием.

Вера записала последнее замечание и улыбнулась. Это было похоже на Элеонору. Но радость от наследства стала осторожнее: вилла оказалась не только подарком, но и огромной ответственностью.

Ближе к вечеру Вера поднялась в приготовленную для неё спальню. За окнами медленно темнело, на террасе зажглись фонари. Она открыла чемодан, достала старый свитер и на мгновение замерла, сравнивая его с безупречным покрывалом и дорогими шторами. Игорь однажды сказал, что ей не хватает размаха: она всегда выбирает безопасное и не решается на большое. Теперь она находилась в доме, который он не сумел бы представить даже в самых смелых планах. Ей не захотелось ни сфотографировать комнату для него, ни сообщить о приезде. Она переделась и спустилась с ноутбуком в гостиную.

Вера устроилась у окна и открыла рабочий файл. На экране появился рекламный каталог, который она не успела закончить до отъезда. Она исправила две страницы, отправила письмо

клиенту и лишь после этого вышла на террасу. Отсюда было видно, как садовник закрывает калитку у нижней дорожки, а Мадлен поправляет пледы на креслах. Завтра здесь снова будут заниматься привычными делами: поливать растения, принимать продукты, проверять счета. Вера представила, как однажды начнёт узнавать эти мелочи без подсказок. За оградой хлопнула дверца машины, затем послышались голоса. Она обернулась к дому: кажется, кто-то приехал.

Через несколько минут в холле послышались мужские шаги и негромкий голос Мадлен. Вера вышла из гостиной и увидела высокого мужчину в тёмном пальто. Он стоял возле старого комода, сняв перчатки, и смотрел на фотографию Элеоноры в серебряной рамке. Услышав шаги, мужчина повернулся. У него было красивое, сдержанное лицо и внимательный взгляд человека, привыкшего быстро составлять мнение о собеседнике. Вера сразу поняла, кто перед ней.

— Мадам Соколова? Адриан Делакура. Простите, что приехал без предупреждения. Я хотел убедиться, что вы добрались благополучно, и обсудить один вопрос, который касается «Мирабель». — Он протянул руку, и его рукопожатие оказалось тёплым и уверенным. — Моя бабушка очень любила этот дом. Думаю, вы уже успели это заметить.

Вера ответила, что дом прекрасен, и пригласила его в гостиную. Адриан поблагодарил, но не сел сразу. Он оглядел комнату, задержав взгляд на кресле у камина, словно видел в нём кого-то, кого Вера не могла видеть. Потом повернулся к ней и сказал без обиняков, что хотел бы сделать предложение о покупке виллы. Вера несколько секунд молчала. За весь день она успела представить здесь десятки маленьких счастливых сцен, а теперь человек, который действительно вырос в этом доме, пришёл попросить её от всего отказаться. Адриан положил на стол визитную карточку и не придвинул её ближе. Вера оставила карточку лежать там, где он её положил.

Глава 3. Цена дома

Адриан говорил спокойно, без нажима, но прежде чем продолжить, посмотрел в окно, за которым темнели кипарисы.

— «Мирабель» принадлежала нашей семье десятилетиями. Я здесь вырос и после смерти бабушки надеялся, что дом останется в семье. Я не собираюсь оспаривать её завешание или рассуждать о том, кто заслуживает наследства. Просто хотел объяснить, почему для меня так важно сохранить этот дом.

Вера слушала и всё яснее понимала осторожность Мадлен при упоминании внука хозяйки. Для него этот дом значил гораздо больше, чем для неё, только начинавшей к нему привязываться.

Когда Адриан повернулся к окну, Вера задержала взгляд на нём уже не как на родственнике Элеоноры, а как на мужчине. Ему было чуть за сорок; тёмные волосы, коротко подстриженные на висках, уже тронула серебристая нить. У него был прямой нос, чёткая линия подбородка и серо-зелёные глаза, которые при ярком свете казались почти светлыми. Красивым его делала не безукоризненность черт, а то, как менялось лицо, стоило ему забыть о деловом разговоре. Когда он слушал, в уголках глаз появлялись едва заметные морщинки; когда упоминал Элеонору, взгляд становился совсем другим — не жёстким, а растерянным на короткую секунду.

На Адриане был тёмный пиджак без галстука, белая рубашка и часы с простым циферблатом. Он говорил о недвижимости так, будто привык принимать решения быстро и ожидал от собеседников такой же ясности. Но всякий раз, произнося имя бабушки, делал едва заметную паузу. Вера вспомнила фотографию мальчика в комнате Элеоноры и поняла, почему ему трудно говорить о продаже как об обычной сделке. Она могла разделить его привязанность к дому, но не собиралась принимать решение, ещё не проведя здесь ни одной ночи. Она собиралась сказать ему об этом прямо.

— Я прилетела только сегодня, — сказала она. — Даже не успела понять, где здесь что находится. Было бы странно сразу обсуждать продажу. Тем более я пока не закончила оформление наследства и не знаю всех обстоятельств.

— Согласен. Я не жду ответа сегодня и не предлагаю ничего подписывать. Мне важно, чтобы вы знали о моём интересе. Если когда-нибудь решите продать дом, я хотел бы, чтобы вы сначала поговорили со мной. Я предложу независимую оценку и прозрачные условия.

Вера ожидала высокомерия или намёка, что роскошная вилла не подходит женщине с её прошлым. Но Адриан говорил о доме, а не о ней, и это обезоруживало. Впрочем, его уверенность тоже раздражала: он явно привык, что разумные, по его мнению, предложения принимают. Она повторила, что пока не рассматривает продажу «Мирабель» и прежде всего хочет попробовать здесь пожить. Адриан кивнул. Он не стал спорить, хотя его лицо на мгновение стало строже.

Мадлен принесла кофе. Разговор постепенно стал менее официальным. Адриан спросил о дороге, о встрече с нотариусом, рассказал, что владеет расположенным неподалёку отелем «Бельведер» и большую часть времени проводит там. Вера призналась, что её представления о жизни на Лазурном Берегу пока складываются из фотографий и поездки от аэропорта. Он усмехнулся и сказал, что в таком случае ей предстоит обнаружить немало приятного и немало раздражающего: летом здесь невозможно припарковаться, зимой море бывает суровым, а лучшие булочки в округе продают в месте, которое снаружи выглядит совершенно непримечательно. Вера улыбнулась ему в ответ, даже не заметив этого. Сдержанный незнакомец постепенно превращался в живого человека.

Пока Мадлен расставляла чашки, Адриан заметил блокнот Веры на столе. Она не стала прятать страницы, исписанные вопросами о персонале, отоплении, страховке и стоимости ухода за садом. Он попросил разрешения взглянуть и, увидев аккуратные колонки, неожиданно улыбнулся. «Вы начали с самого сложного», — заметил он. Вера ответила, что привыкла сначала выяснять, сколько стоит удовольствие, а уже потом позволять себе его. Адриан рассказал о зимних штормах, о необходимости регулярно проверять старые водостоки и о том, что бабушка однажды отказалась менять мраморные ступени, хотя они были неудобны для гостей. В разговоре появилась почти домашняя интонация. Он знал дом не как объект с красивым адресом, а как место, где скрипит определённая дверь и по утрам пахнет цветущим жасмином. Вера слушала внимательнее, чем собиралась. В какой-то момент он спросил, собирается ли она остаться во Франции. Она призналась, что пока не знает. Это был единственный честный ответ, и Адриан, кажется, понял, что давить на неё бесполезно.

Когда Адриан поднялся, он остановился у фотографии Элеоноры. Вера спросила, какой она была дома, без гостей и писем. Он долго смотрел на снимок, прежде чем ответить. Бабушка, по его словам, могла целый час спорить с садовником из-за одного куста, а потом незаметно оплатить лечение его сестры. Любила ранний завтрак на террасе и не позволяла никому переставлять книги в библиотеке. Даже в последние годы отказывалась признать, что устала. Вера рассказала о флорентийской больнице, о том, как Элеонора ругала невкусный чай и просила принести ей настоящие персики. Адриан рассмеялся неожиданно открыто. Оба рассмеялись, и разговор впервые пошёл легко: Элеонора умела заставить даже взрослого внука почувствовать себя мальчишкой.

После его отъезда Вера вышла на террасу. На воде зажигались огни лодок, из соседнего сада доносились смех и запах ужина, а внизу, за балюстрадой, темнели кипарисы. Четыре миллиона евро могли бы избавить её от тревоги за работу, помочь родителям, позволить путешествовать. Игорь наверняка назвал бы продажу единственным разумным решением. Но стоило представить, как в библиотеке расставляет книги чужой человек, а Мадлен встречает новых хозяев, Вера почувствовала досаду. Она знала этот дом меньше суток, однако уже помнила скрип лестницы и прохладу каменных полов. Мадлен принесла плед и спросила, не подать ли ужин в маленькую столовую. Вера поблагодарила и попросила ещё несколько минут побыть одной.

На следующее утро Мадлен подала завтрак на маленькой террасе у кухни. Вера впервые ела свежие круассаны, глядя на море, и пыталась не считать мысленно, сколько стоит такой завтрак в ресторане. Управляющая принесла папку с расписанием обслуживания дома, контактами сотрудников и списком ближайших дел. Среди счетов и записок Вера обнаружила страницу с пометкой красными чернилами: «Юбилейный вечер фонда. 28 октября». Она спросила, что это значит. Мадлен замерла с кофейником в руке, затем осторожно объяснила, что Элеонора каждый год проводила в «Мирабель» благотворительный приём. В этом году вечер должен был стать особенным: фонду исполнялось двадцать пять лет. Приглашения уже разослали, подрядчиков наняли, часть расходов оплатили. После смерти хозяйки все ждали решения семьи.

После завтрака Вера попросила Мадлен показать фотографии прошлых приёмов. Управляющая принесла несколько альбомов, и они устроились за столом в библиотеке. На снимках сад был неузнаваем: белые скатерти под деревьями, гирлянды между кипарисами, музыканты у фонтана, гости в вечерних платьях. Элеонора стояла в центре компании, но нигде не выглядела хозяйкой, стремящейся произвести впечатление. На одной фотографии она смеялась вместе с официантом, на другой держала за руку пожилую гостью. Мадлен объяснила, что вечер посвящался местному благотворительному фонду, поддерживавшему музыкальное образование подростков, и проводился много лет. В этом году Элеонора особенно настаивала на юбилейном приёме. Она заранее выбрала музыку и попросила пригласить нескольких старых дру-

зей, которых давно не видела. Вера перелистнула альбом и поняла, что речь идёт не просто о светской традиции. Для кого-то этот вечер мог оказаться последним обещанием Элеоноры, которое ещё можно выполнить.

— И что теперь будет? — спросила Вера. — Ведь до двадцать восьмого осталось совсем немного.

— Месье Адриан предложил перенести вечер в «Бельведер». Это разумно. Там есть персонал и подходящий зал. Но мадам Элеонора очень хотела провести юбилей именно здесь. Она даже выбрала цветы для столов.

Мадлен произнесла последние слова без упрёка. Вера представила Элеонору за этим самым столом, с карандашом в руке, выбирающую скатерти и спорящую о цветах. Приём был частью жизни, которую та создала в «Мирабель», и отменить его казалось почти равносильным тому, чтобы поспешно убрать фотографии из комнат. Вера попросила показать ей смету и список гостей. Она не умела устраивать вечера на сотню человек, зато много лет работала с заказчиками, подрядчиками и сроками. По крайней мере, она знала, с каких вопросов следует начинать.

Мадлен принесла толстую папку, где всё было разложено по разделам: поставщики цветов, аренда дополнительного освещения, меню, транспорт для гостей, музыкальная программа, резервный план на случай дождя. Некоторые суммы заставили Веру поднять брови. Но её удивило другое: напротив большинства позиций стояли пометки рукой Элеоноры. Пожилая женщина сама выбирала цвет салфеток, просила не ставить слишком высокие композиции на столах и настаивала, чтобы в меню был десерт с лимоном. Вера представила, как она сидела за этим столом, делала замечания на полях и радовалась предстоящему вечеру. Теперь от неё остались папка, сад и люди, которые не знали, состоится ли праздник. Вера не собиралась превращаться в организатора светских приёмов за один день, но умела работать с подрядчиками, составлять сроки и добиваться ответа на конкретный вопрос. Она достала свой блокнот и начала переписывать задачи, отмечая то, что требовало немедленного решения.

К обеду Вера позвонила нотариусу и спросила, вправе ли согласовывать приём, пока оформление наследства не завершено. Моро предупредил, что до письменного подтверждения полномочий нельзя брать обязательства от имени нового владельца, но уже заключённые Элеонорой договоры можно изучить, а организационные вопросы — предварительно обсудить. Он обещал прислать письменное разъяснение и проверить, кто вправе подтверждать расходы по уже заключённым договорам. До ответа Вера могла обсуждать детали, но не подписывать новые заказы и не обещать оплату от имени наследства. Вера записала условия, затем связалась с двумя подрядчиками из папки Мадлен: первый трижды переспросил её фамилию, второй потребовал подтверждения до пятницы. Она попросила управляющую назначить встречу с координатором вечера и открыла блокнот, чтобы разбить срочные дела по дням. В этот момент зазвонил телефон. На экране высветился незнакомый французский номер.

— Вера? Это Адриан Делакруа. Мадлен сказала, вы интересовались октябрьским вечером. Я как раз хотел обсудить его перенос. В «Бельведере» всё можно организовать без лишних трудностей.

— Я посмотрела документы, — ответила Вера. — Пока рано что-либо обещать, нотариус проверяет формальности. Но если всё в порядке, я хотела бы провести приём в «Мирабель». Элеонора готовилась к нему, и мне кажется неправильным сразу отказываться от её планов.

На другом конце линии возникла пауза. Затем Адриан произнёс, что она не представляет сложности такого вечера и что даже опытным организаторам понадобится несколько недель напряжённой работы. Вера согласилась: вероятно, не представляет. Поэтому и собирается встретиться со специалистами. Он спросил, понимает ли она, кто будет среди гостей, и Вера неожиданно рассердилась. Вопрос был разумным, но в его интонации Вере послышалось напоминание о её неопытности.

— Нет, Адриан, пока не понимаю. Но список у меня перед глазами, и я умею читать имена. Я не собираюсь устраивать праздник собственными силами. Я хочу выяснить, можно ли выполнить желание Элеоноры. Если нет — мы обсудим перенос. Только не решайте заранее, что я не справлюсь.

Адриан ответил не сразу. Потом сказал, что придет вечером с координатором мероприятий отеля и поможет разобраться с подготовкой, если она не возражает. Вера поблагодарила и положила трубку. Мадлен, слышавшая только её часть разговора, стояла у двери с таким выражением, будто только что увидела знакомую сцену много лет спустя. На вопросительный взгляд Веры она улыбнулась: «Мадам Элеонора говорила с ним почти теми же словами». Вера вернулась к списку гостей и обнаружила возле одного имени рукописную пометку: «Софи Лоран — обязательно пригласить лично». Она ещё не знала, кто такая Софи, но вечером собиралась спросить об этом Адриана.

Вера ещё раз посмотрела на расписание. Через несколько часов ей предстояло обсуждать светский вечер с человеком, который вчера предлагал купить у неё дом. Адриан разбирался в подобных мероприятиях лучше неё, и отказываться от полезных советов было бы глупо. Но Вера решила заранее отделить вопросы безопасности и организации, где следовало довериться специалистам, от того, что Элеонора считала важным для гостей. Она обвела в папке слова «сад», «музыка», «лимонный десерт» и отложила ручку. До вечера, которого так ждала Элеонора, оставалось слишком мало времени.

Глава 4. Приглашения уже разосланы

К шести часам Вера успела трижды пожалеть о своей решительности. Днём ей казалось естественным защитить последний замысел Элеоноры; теперь, сидя в библиотеке над папкой с договорами, она видела перед собой не красивый вечер при свечах, а длинную цепочку чужих обязательств, в которой каждый пропущенный пункт мог обернуться неприятностью. В приглашениях значилось сто двадцать гостей, причём половина фамилий ничего ей не говорила. Отдельной строкой были указаны представители фонда, которому собирали пожертвования, а ниже — несколько журналистов. Вера открыла смету, увидела цену временного настила для музыкантов и закрыла её. Когда-то она выбирала между двумя сортами кофе в супермаркете, потому что разница в цене казалась существенной. Теперь ей предстояло обсуждать расходы, на которые можно было купить подержанный автомобиль. От этой мысли хотелось не смеяться, а попросить кого-нибудь другого принять решение.

Мадлен, не обнаружившая в поведении новой хозяйки ничего удивительного, принесла чай и поставила рядом с папкой небольшую тарелку миндального печенья. За окнами темнел сад. Дневное солнце уже исчезло за кипарисами, но каменная терраса ещё хранила тепло; сквозь приоткрытую дверь доносился запах влажной земли и розмарина. Вера спросила, часто ли Элеонора принимала столько людей. Управляющая объяснила, что благотворительный вечер проводился каждый год, а небольшие музыкальные ужины устраивались летом. Элеонора не любила показную роскошь, хотя могла позволить себе почти всё: для неё было важно, чтобы гости помнили не стоимость вина, а разговоры, музыку и то, ради чего собрались. Последний юбилейный приём должен был стать особенным. В его программу включили выступление молодого скрипача, которому фонд помогал оплачивать обучение. Вера задержала взгляд на его фотографии в папке: серьёзный юноша с инструментом в руках смотрел в камеру так, словно ещё не привык к тому, что взрослые люди связывают с ним большие надежды.

В половине седьмого у ворот остановилась тёмная машина. Адриан приехал не один. С ним была женщина с короткой стрижкой, в свободных кремовых брюках и тёмно-синем жакете; она представилась Камиллой Бернар, руководителем мероприятий «Бельведера». Камилла сразу попросила разрешения пройти по саду, посмотреть площадку для оркестра и оценить подъезд для поставщиков. Вера расправила плечи: вместо вежливых разговоров о том, как сложно ей придётся, началась настоящая работа. Они обошли нижнюю террасу, где планировали поставить столы, заглянули в боковую галерею и проверили проход от кухни. Камилла делала пометки, задавала Мадлен короткие точные вопросы и ни разу не удивилась тому, что Вера не знает ответов. Адриан держался немного позади, но когда речь зашла о запасном входе, сам показал узкую дорожку за старой оранжереей. Он двигался по саду уверенно, почти не глядя под ноги, и Вера вдруг ясно представила мальчика, который когда-то бегал здесь, прячась от взрослых.

— Я не предлагаю превращать виллу в филиал отеля, — сказала Камилла, когда они вернулись в библиотеку. — У этого дома собственный характер, и именно ради него люди приезжают. Но нам нужен окончательный ответ по площадке не позднее понедельника. Освещение, кухня, музыка, охрана — всё зависит от того, где состоится вечер. С юридической стороны пусть сначала подтвердят, что мероприятие можно провести на прежних условиях. С организационной я вижу возможность сохранить план мадам Элеоноры, если вы готовы делегировать решения профессионалам.

— Я именно этого и хочу, — ответила Вера. — Мне не нужно изображать хозяйку большого светского приёма, которая с рождения знает, куда ставить оркестр. Мне нужно, чтобы вечер состоялся так, как задумывала Элеонора. Скажите, что от меня действительно требуется, а что лучше поручить вам.

Адриан поднял глаза от чертежа сада. До этого он несколько раз вмешивался в обсуждение, но теперь промолчал. Камилла перечислила решения, которые останутся за Верой: утвердить концепцию, выбрать окончательное оформление, согласовать программу и лично приветствовать гостей. Остальное могла взять на себя команда отеля совместно с подрядчиками Элеоноры. Для Веры это звучало одновременно заманчиво и пугающе. Она спросила, не будет ли странно, если незнакомая женщина, едва приехавшая во Францию, окажется в центре вечера, который десятилетиями проводила другая семья. Камилла ответила, что гости наверняка будут удивлены, но именно поэтому следует с самого начала объяснить: праздник посвящён памяти Элеоноры и продолжению её дела, а не представлению новой владелицы. Адриан подтвердил, что фонд поддерживает эту идею. Вера заметила, что он произнёс «поддерживает» с лёгким удивлением, словно только сейчас признал, что у неё может получиться.

Когда Камилла ушла к машине, чтобы ответить на звонок, Адриан задержался у стола. Вера собирала бумаги и старалась не смотреть на него: после делового разговора внезапно стало неловко, будто они остались вдвоём в слишком большом помещении. Он спросил, давно ли она занимается организацией мероприятий. Вера засмеялась и рассказала о корпоративном празднике, который однажды спасала в московском ресторане, когда заказанный ведущий перепутал даты. Адриан выслушал эту историю серьёзнее, чем она ожидала. Затем признался, что не был уверен в её решении и по-прежнему считает перенос в отель менее рискованным, но готов помочь сохранить вечер в «Мирабель», если нотариус подтвердит возможность. Вера поблагодарила его без прежней настороженности. Ей нравилось, что он не пытается понравиться любой ценой. Он мог быть несогласен, мог говорить неприятные вещи, но после принятого решения не делал вид, что её мнение ничего не значит.

На следующий день выяснилось, что самое трудное в организации праздника — не выбор цветов и даже не стоимость аренды оборудования, а необходимость говорить «нет» людям, которые совершенно искренне считали свои пожелания обязательными. Флорист настаивал на высоких композициях с белыми орхидеями, руководитель службы питания предлагал вынести аперитив к бассейну, а представитель фонда просил оставить в программе ещё двадцать минут для выступлений спонсоров. Вера разложила предложения на обеденном столе и впервые попробовала представить вечер не глазами гостей, а глазами человека, которому придётся отвечать за каждую мелочь. С террасы она видела нижний сад, где под кипарисами уже стояли складные леса. Если перенести туда аперитив, пожилым гостям придётся спускаться по крутым ступеням; если поставить орхидеи, они заслонят вид на море, который Элеонора так любила. Вера взяла карандаш и перечеркнула оба предложения. Мадлен, наблюдавшая за ней из дверей, заметила, что мадам Делакруа поступила бы точно так же. «Она тоже спорила с флористами?» — спросила Вера. «Со всеми, кто считал, что красивое обязательно должно быть неудобным», — ответила управляющая и отправилась распорядиться обедом.

Накануне Моро наконец прислал письмо: действующие договоры Элеоноры продолжали исполнять уполномоченные представители наследства, а новые расходы требовали их письменного согласования. Вера переслала ему изменения сметы и только после подтверждения попросила Мадлен связаться с подрядчиками. К полудню Камилла прислала уточнённый план движения гостей. Вера прошла весь маршрут сама: от ворот к террасе, затем к месту выступления музыкантов и обратно в дом. Возле нижней лестницы она обнаружила узкий проход, по которому официантам пришлось бы нести подносы навстречу пожилым гостям. Вместо очередного спора о цветах она попросила перенести служебный стол и оставить свободным выход к саду. Камилла внесла изменение в план, а Мадлен показала, где можно устроить незаметное место для отдыха музыкантов. Впервые за день Вера почувствовала, что организация вечера состоит не только из чужих требований: здесь можно было сделать что-то по-настоящему полезное.

После обеда Вера попросила показать ей комнаты, куда обычно не водили гостей. За парадной столовой оказалась узкая служебная лестница, а внизу — просторная кухня с мед-

ными кастрюлями, старой плитой и большим столом, испещрённым следами ножей. Здесь работала помощница повара Анн-Мари, невысокая женщина с энергичными руками и привычкой отвечать сначала по-французски, а потом, заметив растерянность Веры, медленно повторять на английском. Она достала коробку с карточками меню прошлых лет и показала пожелтевшую запись Элеоноры: никакой икры ради впечатления, только то, что действительно вкусно. Вера рассмеялась. Значит, Элеонору тоже раздражали попытки превратить ужин в демонстрацию богатства. Вместе они составили список блюд, которые можно подать без театральности: маленькие пироги с овощами, рыба с травами, сезонные фрукты, лимонные тарталетки. Вера настояла, чтобы в меню были указаны аллергены и предусмотрены варианты для гостей, которые не едят мясо. Анн-Мари сперва удивилась подробности, затем одобрительно кивнула. За обсуждением меню Вера обнаружила, что несколько часов не вспоминала о стоимости виллы. Она думала о том, хватит ли прохладного места для десертов.

Позднее Камилла вернулась с уточнённым планом рассадки. Вера обнаружила рядом с именем Адриана место Софи Лоран и задержала взгляд на строчке. Она ещё не знала, кто эта женщина, но Камилла объяснила, что семья Лоран много лет поддерживает фонд. «Место можно изменить, если вы пожелаете», — осторожно сказала она. Вера покачала головой: представлять людей, которых она никогда не видела, только потому, что ей неловко, казалось глупым. Зато она попросила оставить за столом два свободных места для молодых музыкантов, которым предстояло выступать. Камилла возразила, что обычно исполнители ужинают отдельно. «Тогда в этом году будет иначе. Вечер устраивают ради них, разве нет?» Адриан, услышавший последние слова по громкой связи, несколько секунд молчал, а затем сказал, что его бабушке понравилось бы такое решение. Вера ощутила неожиданное удовольствие от этой короткой похвалы и тут же рассердилась на себя: ещё недавно она была уверена, что одобрение Делакура её совершенно не интересует.

Ближе к вечеру позвонила руководительница фонда, мадам Бержье. Она говорила быстро, с отчётливым французским акцентом, но Вера уловила главное: пожертвования, которые собирали на ежегодном вечере Элеоноры, поддерживали программу музыкальных стипендий для подростков из семей, не способных оплачивать занятия и инструменты. Для гостей это был красивый традиционный приём, для фонда — важная часть бюджета. Вера слушала и чувствовала, как меняется значение всего происходящего. Ещё утром ей казалось, что она защищает память Элеоноры от настойчивого внука; теперь стало ясно, что от её решения зависит не только семейная история. Она попросила прислать сведения о прошлых сборах и обещала лично встретиться с мадам Бержье до праздника. Когда разговор закончился, Вера вышла на террасу. Внизу садовники осторожно подвязывали кусты роз, за кипарисами темнело море. Впервые за дни пребывания в «Мирабель» ей стало по-настоящему страшно не из-за цены дома, а из-за ответственности, которую она взяла на себя.

Вечером Адриан заехал узнать, как продвигается подготовка. Уже собираясь уходить, он остановился у дверей библиотеки и спросил, видела ли Вера маленькую оранжерею за южной стеной. Вера покачала головой. Он предложил показать её завтра утром: там хранились старые садовые вазы и часть семейных фотографий, которые бабушка не любила выставлять в доме. Вера хотела спросить, почему он сам не забрал эти фотографии, но удержалась. Пока они разговаривали, за окнами окончательно стемнело; в стекле отражались люстра, высокие книжные шкафы и две фигуры, стоявшие друг напротив друга. Она подумала, что ещё вчера этот мужчина был для неё почти противником, а сегодня стал единственным человеком, который мог рассказать о доме то, чего не было ни в каких документах. Они договорились встретиться в десять. На прощание Адриан сказал, что бабушка наверняка одобрила бы её упрямство. Вера не нашлась с ответом, зато долго помнила выражение его лица, когда он это произнёс.

Наутро позвонил Моро. Он подтвердил, что необходимые согласования для ранее запланированного мероприятия можно организовать, хотя некоторые документы ещё требовали

подписей и уточнений. Вера слушала внимательно, записывала каждый пункт и несколько раз переспрашивала, где заканчивается её право принимать решения. Разговор не сделал её настоящей хозяйкой виллы в юридическом смысле, зато позволил перестать бояться любого движения. После звонка она вышла в сад. На дальнем конце террасы садовник подрезал кусты лаванды; за оградой тихо шумело море. Вера подумала, что приехала всего на несколько дней, собираясь посмотреть дом и вернуться к прежней жизни, но её обратный билет уже лежал в электронной почте как приглашение, на которое не хотелось отвечать. Впервые она не спешила принимать решение. У неё было утро, море и встреча в оранжерее с человеком, чьи намерения она пока не понимала.

Глава 5. Уроки роскошной жизни

Адриан появился ровно в десять, без водителя и без той официальной собранности, с которой Вера познакомилась накануне. На нём были светлые брюки и тёмная рубашка с закатанными рукавами; в руках он держал две бумажные чашки кофе. Одну протянул Вере, заметив, что Мадлен наверняка уже накормила её завтраком, но хороший кофе никогда не бывает лишним. Они пошли вдоль стены, увитой бугенвиллией, мимо узкого бассейна с каменными львиными головами. Сад с этой стороны казался менее парадным: между дорожками росли лимонные деревья, на старой скамье лежали забытые садовые перчатки, а у ступеней грелась полосатая кошка. Вера спросила, чья она. Адриан ответил, что кошка ничья и одновременно принадлежит всем, кто хотя бы раз её кормил. Его улыбка оказалась совсем не похожа на вежливую улыбку владельца дорогого отеля.

Оранжерея стояла за низкой каменной стеной. Стеклопанельная крыша потемнела от времени, но внутри было светло и пахло землёй, влажным деревом и листьями цитрусовых. На полках действительно стояли старые вазоны, а у дальней стены — несколько плетёных корзин с фотографиями в рамках. Адриан нашёл снимок Элеоноры, сделанный лет сорок назад: молодая женщина в белых брюках смеялась, стоя на палубе маленькой лодки. Рядом с ней был мужчина в соломенной шляпе. Адриан рассказал, что это его дед, который влюбился в «Мирабель» раньше, чем в её хозяйку, по крайней мере так всегда утверждала бабушка. Вера осторожно взяла фотографию. Она знала Элеонору пожилой, уверенной в себе, немного насмешливой. Трудно было представить её молодой женщиной, которой тоже приходилось сомневаться, ссориться и выбирать, с кем связать жизнь.

— Она когда-нибудь рассказывала вам, почему мы познакомились? — спросила Вера. Адриан присел на край деревянного стола и ответил, что знал лишь общую историю о Флоренции. Вера подробно рассказала о том дне: о жаре на площади, о том, как Элеонора сердито отказывалась ехать в больницу, пока не нашлась её сумочка, о маленьком букете, который принесла ей потом. Вспоминая, Вера вдруг почувствовала себя свободнее. Рядом с Адрианом можно было говорить об Элеоноре без необходимости объяснять, почему она была дорога почти незнакомому человеку. Он слушал не перебивая, а потом признался, что бабушка всегда скрывала страх под раздражением и могла спорить с врачом даже с температурой. Вера рассмеялась: именно так всё и было. На несколько минут между ними исчезли и завешание, и цена виллы, и неудобство первой встречи.

Вернувшись к дому, они застали Камиллу за проверкой уже утверждённого плана. Белые розы и оливковые ветви оставались в оформлении, но теперь выяснилось, что под тяжёлыми вазами на старинных столах нужны защитные подставки. Вера попросила принести образец и сама проверила, не будет ли он замечен гостям. Затем Камилла показала схему рассадки с двумя местами для молодых музыкантов, которые Вера настояла сохранить. Оставалось согласовать карточки с именами и проход к сцене. Адриан, наблюдая за их работой, вспомнил, как Элеонора однажды собственноручно переставила половину столов за час до приезда гостей: ей показалось, что один пожилой друг будет сидеть слишком далеко от моря. Вера улыбнулась, но на этот раз решила обойтись без внезапных перестановок.

После двух часов обсуждений Вера сидела как школьница на экзамене, которого никто не предупреждал. Адриан предложил пообедать в Ницце, где им всё равно нужно было встретиться с поставщиком светового оборудования. Дорога шла вдоль моря. Из окна автомобиля Вера видела яхты в бухтах, старые виллы за высокими оградами и узкие улицы, на которых обычная жизнь удивительно спокойно соседствовала с неприлично дорогими машинами. Адриан рассказывал о побережье без привычной экскурсионной торжественности: показывал булочную, где покупал хлеб ещё ребёнком, маленький пляж, на который они сбегали с дру-

зьями, и поворот, где его первая машина однажды заглохла прямо перед свадебным кортежем. Вера ловила себя на том, что ждёт следующей истории. Ей нравилось открывать за дорогим костюмом и сдержанными манерами человека, у которого были смешные воспоминания и нелепые юношеские ошибки.

Ресторан оказался небольшим: восемь столиков, тёмные деревянные панели, старые фотографии гавани и открытая кухня, откуда доносился звон посуды. На подоконнике рос базилик в глиняных горшках. Официант принёс меню, написанное от руки, и рассказал об утреннем улове. Вера с удивлением подумала, что уверенная простота этого места выглядит убедительнее показной роскоши.

Адриана узнали, но не стали суетиться. Он заказал рыбу, салат из помидоров и бутылку минеральной воды, а Вере предложил выбрать самой. Она призналась, что по-прежнему боится неправильно произнести французские названия блюд. Адриан ответил, что половина гостей его отеля произносит их неправильно и ни один приличный официант не должен делать из этого событие. Вера выбрала пасту с морепродуктами и наконец смогла расслабиться. За обедом они говорили о путешествиях. Выяснилось, что Адриан много ездит по работе, но редко видит города за пределами гостиниц и конференц-залов. Вера, наоборот, мечтала путешествовать, однако всегда откладывала поездки ради более необходимых расходов.

— А что вы будете делать, если останетесь здесь? — спросил он, когда принесли кофе.
— Не с домом, а со своей жизнью. Мадлен сказала, вы работаете удалённо.

— Пока не знаю. Я привыкла, что все решения должны иметь практическое объяснение: зачем тратить деньги, зачем ехать, зачем начинать что-то новое, если можно оставить всё как есть. А здесь каждое утро хочется выйти к морю, и никакого разумного объяснения для этого не требуется. Возможно, впервые я попробую пожить без заранее составленного плана. Но работу бросать не собираюсь. Мне важно не превратиться в человека, который существует только потому, что ему повезло получить наследство.

Адриан задумался. Он сказал, что никогда не рассматривал работу как способ доказать право на собственную жизнь, и, возможно, именно поэтому иногда забывает, насколько иначе люди смотрят на деньги. Вера удивилась его ответу. Она ожидала лёгкой шутки, а услышала признание, произнесённое без желания выглядеть лучше.

По дороге к поставщику они попали в медленную вереницу машин на набережной. Адриан предложил свернуть через старый квартал, и Вера увидела город, который не попадал на открытки: булочную с очередью за багетами, крошечную мастерскую, где мужчина в фартуке чинил стул, школьников с рюкзаками, споривших у перехода. На углу продавали цветы в жестяных вёдрах. Вера попросила остановиться, чтобы купить букет для Мадлен, и Адриан без возражений припарковался. Пока продавщица заворачивала ветки эвкалипта и кремовые розы в бумагу, он разговаривал с ней по-французски с той непринуждённостью, которой Вера завидовала. «Вы знаете её?» — спросила она, когда они вернулись в машину. «Покупаю здесь цветы для отеля. Она считает, что наши администраторы выбирают слишком торжественные букеты». Вера улыбнулась: за фасадом пятизвёздочного «Бельведера» вдруг проступила обычная жизнь с постоянными продавцами, привычками и мелкими разногласиями. Адриан заметил её улыбку и поинтересовался причиной. Она ответила, что до сих пор представляла его человеком, который никогда не ждёт сдачу и не знает, где продают хороший хлеб. Он рассмеялся, но не стал доказывать обратное.

В салоне светового оборудования пахло свежей краской и нагретым металлом. Молодой менеджер развернул на столе план сада и принялся уверять, что дополнительная линия прожекторов создаст «эффект присутствия на международном фестивале». Вера попыталась объяснить, что ей не нужен фестиваль, но тот обращался почти исключительно к Адриану. На третьем круге обсуждения она спокойно забрала у менеджера план и попросила показать, как будут освещены ступени к нижней террасе. Тот замялся: ступени оставались в тени, зато фасад

виллы предполагалось залить ярким голубым светом. «Голубого света не будет, — сказала Вера. — И прежде чем обсуждать красоту, давайте сделаем так, чтобы гости не спотыкались». Адриан ничего не добавил. Только после выхода на улицу заметил, что она сэкономила им не меньше часа и несколько тысяч евро. «Мне казалось, я выглядела ужасно невежливо». — «Вы выглядели как человек, который знает, чего хочет». Она хотела ответить шуткой, но почему-то промолчала. За последние месяцы ей редко говорили подобное без снисходительной улыбки.

В мастерской столового текстиля их встретила невысокая женщина в очках на тонкой цепочке. Она разложила перед Верой образцы льняных скатертей и предложила несколько оттенков, каждый из которых на первый взгляд казался просто кремовым. Адриан отошёл к окну и не вмешивался, пока Вера не попросила его мнения. Тогда он выбрал самый спокойный вариант, с едва заметным золотистым отливом, и объяснил, что при вечернем освещении садовые розы будут выглядеть ярче. Вера удивилась, насколько хорошо он помнит такие подробности. Адриан рассказал, что в детстве бабушка заставляла его помогать готовить приёмы: сначала он носил карточки с именами гостей, позже расставлял свечи и проверял светильники. «Я думал, это наказание за плохие оценки, — сказал он, — а она утверждала, что человек должен уметь принимать гостей, даже если однажды у него будет всего один стул». Вера засмеялась. Впервые его богатство перестало казаться непроницаемой стеной: за ним обнаружились семейные привычки, смешные детские обязанности и женщина, которую они оба любили.

Уже по дороге домой Адриан свернул к смотровой площадке над бухтой. Внизу море было густо-синим, почти неподвижным; по воде медленно шла белая яхта. Воздух пах соснами и солью. Вера вышла из машины, подошла к каменному парапету и на несколько минут забыла о сметах, подписях и предстоящем вечере. Адриан стоял рядом, не пытаясь заполнить молчание. Когда он предложил как-нибудь показать ей побережье с моря, Вера согласилась слишком быстро и сама это заметила. Он улыбнулся, но не стал её поддразнивать.

Вернувшись в «Мирабель», Вера обнаружила на столе конверт с предварительной сметой. Даже после всех согласованных сокращений сумма казалась невероятной. Она попросила Мадлен объяснить, сколько подобных вечеров устраивала Элеонора и не разоряли ли они её. Управляющая рассказала, что хозяйка всегда различала щедрость и показное расточительство: могла поселить приглашённых музыкантов в лучших номерах на побережье, но неделями спорила из-за бессмысленной замены садовой мебели. Вера села в кресло у окна и долго пересчитывала расходы. Её пугала не столько цифра, сколько непривычная ответственность. Раньше ошибочный заказ означал несколько тысяч рублей из семейного бюджета; теперь одна неверная подпись могла стоить дороже её прежнего годового заработка. Вечером Адриан прислал короткое сообщение с контактами независимого специалиста по организации мероприятий и предложил получить второе мнение по смете. Он не написал, что сам всё уладит, и именно это Вере понравилось. Она поблагодарила его и договорилась о консультации на следующий день.

На следующее утро поставщик освещения позвонил с неприятной новостью: часть согласованных светильников оказалась недоступна, а предложенная замена требовала новой проводки и доплаты. Вера попросила прислать письменное объяснение и открыла вчерашний договор. В нём было указано, что компания обязана предоставить равноценное оборудование в пределах утверждённой суммы. Она переслала соответствующий пункт Камилле, затем спокойно обсудила условия с менеджером. К полудню тот подтвердил, что подберёт другой вариант без увеличения сметы. Вера сообщила Адриану о результате только вечером. Он поздравил её, а она ответила, что прежняя работа с типографиями и рекламными подрядчиками научила её не пугаться уверенного тона собеседника, если документы говорят другое.

Глава 6. Женщина в белом

В субботу утром в «Мирабель» доставили первые образцы посуды для приёма. Вера стояла в столовой перед тремя вариантами бокалов и пыталась понять, почему один из них стоит почти вдвое дороже другого. Камилла терпеливо объясняла различия, но в конце предложила не усложнять: для этого вечера важнее удобство гостей и надёжность обслуживания, чем редкая форма хрусталя. Вера с облегчением согласилась. За неделю на вилле она узнала больше о скатертях, рассадке и температуре подачи вина, чем за всю предыдущую жизнь, однако постепенно начала отличать действительно важные решения от тех, которые только создавали видимость исключительности. На террасе работали садовники, в кухне проверяли оборудование, а в гостиной Мадлен расставляла свежие цветы. Дом, прежде казавшийся музеем, оживал на глазах. Вере нравилось это движение, хотя иногда она с тоской вспоминала, как просто было заказать еду на двоих и не думать, куда поставить сто двадцать стульев.

Ближе к полудню приехал Адриан. С ним была высокая женщина в белом брючном костюме, с гладко уложенными каштановыми волосами и маленькой кожаной сумкой, которую она держала так небрежно, словно та ничего не весила. Женщина сразу улыбнулась Мадлен, поцеловала её в обе щеки и заговорила на быстром французском. Только потом повернулась к Вере. Адриан представил её как Софи Лоран, давнюю знакомую семьи и участницу попечительского совета фонда. Софи протянула руку, и Вера заметила тонкое кольцо с тёмным камнем на безымянном пальце. Ничего в поведении гостьи не было грубым или высокомерным. Напротив, она говорила по-английски без малейшего усилия, внимательно выслушала объяснение Камиллы и похвалила решение сохранить белые розы. Но Вера почти сразу почувствовала: Софи знает здесь каждый угол, каждого сотрудника и, вероятно, каждого человека в списке приглашённых.

— Мне очень жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах, — сказала Софи, когда Камилла ушла отвечать на звонок. — Элеонора была удивительной женщиной. Она любила этот дом так, как другие любят людей. Я рада, что вы решили сохранить вечер. Для фонда это важно, и, думаю, для Адриана тоже.

— Я пока только стараюсь ничего не испортить, — ответила Вера. — К счастью, здесь есть люди, которые действительно понимают, что делают. Я ещё неделю назад не представляла, насколько сложной бывает подготовка такого мероприятия.

Софи мягко улыбнулась и заметила, что в «Мирабель» всегда всё выглядело непринуждённо именно потому, что за этой непринуждённостью стояла огромная работа. Затем она начала рассказывать о прошлых вечерах, о певице, которая однажды опоздала из-за шторма, и о том, как Элеонора заставила весь оркестр играть в гостиной при свечах. Вера слушала с интересом, но постепенно замечала, что почти каждое воспоминание Софи включает Адриана. Они вместе встречали гостей, вместе выбирали музыкантов, вместе провожали бабушку домой после праздника.

Адриан, казалось, не замечал скрытого напряжения. Он обсуждал с Камиллой вопросы охраны и парковки, иногда обращался к Софи за сведениями о членах фонда и несколько раз спрашивал мнение Веры. Однажды, когда речь зашла о столе для представителей благотворительной организации, Софи предложила посадить их рядом с Адрианом, как это делалось раньше. Вера спокойно согласилась, но добавила, что сама хотела бы познакомиться с руководителем фонда до приёма, чтобы понимать, на что именно собираются пожертвования. Софи на секунду замолчала. Потом сказала, что это замечательная мысль и она может организовать встречу. Вера поблагодарила, хотя почему-то почувствовала себя школьницей, которой похвалили аккуратно выполненное домашнее задание. Ей стало досадно на собственную чувстви-

тельность. Софи не сказала ничего обидного, и всё же после её появления разговоры в комнате стали осторожнее.

За обедом Мадлен подала холодный суп из томатов, рыбу с травами и маленькие пирожные с лимонным кремом. Они сели за длинный стол у открытых окон. Софи рассказывала о новом благотворительном проекте в Монако, о выставке современного искусства и о поездке в Милан. Вера почти не участвовала в разговоре, пока речь не зашла о том, что некоторые приглашённые могут не приехать из-за совпадения дат. Она предложила заранее связаться с гостями, которые поддерживали фонд много лет, и выяснить, кого из молодых музыкантов им было бы интересно услышать. Софи заметила, что подобные решения обычно принимаются комитетом. Вера ответила, что вовсе не собирается менять программу без согласования, просто хочет предложить гостям повод приехать не ради привычного светского ритуала, а ради конкретных людей. Камилла поддержала идею. Адриан посмотрел на Веру с заметным интересом, и та неожиданно почувствовала удовлетворение, которого ей не давали ни красивые комплименты, ни осторожная вежливость Софи.

После обеда они вышли в сад, чтобы выбрать место для фотографий и короткого выступления представителя фонда. Софи шла рядом с Адрианом и легко касалась его локтя, когда хотела обратить внимание на что-то в стороне. Он отвечал ей дружелюбно, но почти всегда возвращался к обсуждению с Камиллой. Вера старалась смотреть на площадку и думать о практических вопросах, однако несколько раз невольно переводила взгляд на них. Ей не нравилось это новое чувство. Она не имела никаких оснований ревновать человека, с которым провела один приятный обед и несколько рабочих встреч. Тем более Адриан никогда не говорил ей ничего, что можно было бы принять за обещание. И всё же воспоминание о вчерашней смотровой площадке, о его смехе и приглашении увидеть море с яхты вдруг показалось ей слишком личным, чтобы спокойно разделить его с кем-то ещё.

У бассейна Софи остановилась и посмотрела на нижнюю террасу. Под перголой уже поставили несколько пробных столов; Камилла разговаривала с флористом, а Адриан отошёл ответить на звонок.

— Я всегда любила это место, — сказала Софи. — Вечером отсюда видно огни яхт, а весной над ступенями цветёт жасмин. Мы с Адрианом когда-то даже собирались устроить здесь свадебный ужин.

Вера повернулась к ней. Софи произнесла это без торжества, словно вспомнила о давно отменённой поездке.

— Я не знала, что вы были настолько близки. Простите, если вопрос неуместный, но, наверное, вам непросто снова заниматься приготовлениями именно здесь.

— Прошлое никуда не исчезает только потому, что планы изменились, — ответила Софи. — Но этот вечер посвящён Элеоноре. Не хотелось бы, чтобы наши давние решения ему мешали.

Софи не отвела взгляда и не улыбнулась. Она стояла у балюстрады, элегантная, уверенная, совершенно на своём месте. От этого признание показалось Вере ещё неприятнее.

— Я не знала, что вы были помолвлены, — сказала Вера после паузы. Ей хотелось произнести это спокойно, и, кажется, удалось.

— Это было давно, — ответила Софи. — Хотя здесь всё иногда кажется ближе, чем на самом деле. Элеонора уже тогда выбирала цветы для нашего вечера. Она очень любила праздники и всегда говорила, что дом должен оставаться полным людей. Простите, я не хотела поставить вас в неловкое положение. Просто вспомнилось.

Вера кивнула. Ей не хотелось выяснять, почему Софи решила поделиться этим воспоминанием именно сейчас. Вместо этого она спросила, давно ли закончилась помолвка. Софи ответила, что около года назад, и сразу перевела разговор на розы у лестницы. Вера не стала возвращаться к теме. Она вдруг с болезненной ясностью осознала, что почти ничего не знает

о личной жизни Адриана, хотя уже успела вообразить, будто между ними возникает что-то особенное.

К вечеру в сад приехал фотограф фонда. Он хотел проверить, как заходящее солнце падает на площадку для выступлений, и попросил Веру пройти с ним по дорожкам. Софи задержалась после остальных, будто бы для обсуждения размещения гостей. Пока фотограф менял объектив, она рассказала, что Адриан в юности терпеть не мог официальные праздники, но всегда помогал Элеоноре с их организацией. «Он делает вид, будто ему всё равно, — сказала она, — а потом лично проверяет, достаточно ли тёплые пледы на вечерней террасе». Вера невольно улыбнулась: эту привычку она уже успела заметить. Софи увидела улыбку и помрачнела. Несколько секунд они смотрели на море, затем Софи заговорила о том, как много семейных историй хранит вилла, и добавила, что чужому человеку бывает непросто почувствовать себя здесь своим. Вера ответила, что ей и не нужно притворяться частью чужого прошлого. Фотограф позвал их к лестнице, и разговор оборвался.

Позже в библиотеке Вера стала замечать мелочи, на которые прежде не обращала внимания. На фотографии рядом с юным Адрианом стояла высокая девушка с тёмными волосами; на обороте было написано «Рождество у моря». Вера не стала расспрашивать Мадлен, но когда Мадлен принесла свежие полотенца, та сама заметила снимок на столике. «Это Софи?» — спросила Вера. Мадлен кивнула. «Она бывала здесь с детства. Её родители дружили с мадам». Вера аккуратно вернула фотографию на полку. Неприятно было не то, что у Адриана имелось прошлое, а то, насколько естественно это прошлое занимало место в доме, который ей только предстояло узнать. Мадлен заметила её задумчивость. «Мадам Элеонора любила людей, но не считала, что они должны принадлежать друг другу навсегда», — сказала она и закрыла шкаф с бельём. Вера не ответила. В словах управляющей было больше такта, чем в любой попытке утешить.

После встречи Вера поднялась к себе переодеться. В спальне пахло свежим бельём и цветами, оставленными Мадлен на туалетном столике. За распахнутыми окнами шумели листья пальмы. Вера сняла серьги, которые купила несколько лет назад на распродаже, и положила рядом с тяжёлой серебряной щёткой Элеоноры. Две вещи из разных жизней оказались рядом, и это странным образом её успокоило. Она не обязана была немедленно стать похожей на Софи, чтобы иметь право жить здесь. И уж точно не собиралась выяснять, кому прежде принадлежали воспоминания Адриана. Впрочем, от собственного разумного решения ей не стало легче. Вера вспомнила, как Софи произнесла «наш свадебный ужин», и подумала, что у каждого красивого места есть прошлое, которое не исчезает только потому, что в доме появился новый человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.